

СТАТУС СМЫСЛОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2014 г.

Аннотация: в статье сравниваются классический и современный варианты герменевтики. В качестве основного критерия их различия взята способ отношения интерпретатора к смысловой реальности, отдаленной от него во времени. Показано, что сокращение временной дистанции, в целом отвечающее потребностям постиндустриального общества, отрицательно влияет на разграничение действительного, возможного и фантазийного в сфере смыслов. Установлено, что неклассическая герменевтика, не будучи в состоянии концептуализировать данное различие, фактически совпадает с изучением социальных интеракций социологическими методами.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, смысл, феноменология, постиндустриальное общество.

Abstract: the article compares the classic and modern versions of hermeneutics. The main criterion of their differences was taken way of relationship semantic interpreter to reality, which distant from it in time. Reduction of the temporal distance, generally meets the needs of post-industrial society, negatively affects the differentiation of actual, potential and fantasy in meanings. In article was found that non-classical hermeneutics, not being able to conceptualize this distinction, in fact, coincides with the sociological study of social interactions.

Key words: hermeneutics, interpretation, sense, phenomenology, post-industrial society.

Настоящая работа имеет своей целью переосмысление отдельных понятий философской теории понимания под углом тенденции, условно названной нами объективизацией герменевтики. Как можно понять из самого термина, речь пойдет о смещении субъективных, личностных начал на периферию герменевтических практик и о причинах такого смещения. В данной статье сосредоточимся на вопросе о смыслах, а в следующих статьях, вероятнее всего, рассмотрим многообразие актуальных интерпретативных практик и интерпретирующих сообществ (внутренняя необходимость такой последовательности будет обоснована нами в заключении).

Вначале хотелось бы кратко сказать о том наследии, с которым современная гуманитарная методология имеет дело (или, по крайней мере, обстоятельно ознакомиться). Мы намерены говорить о герменевтике как особом концептуально оформленном единстве, не ставя последнее под сомнение, хотя и не отказывая подобному сюжету в допустимости.

В классическом варианте герменевтика предполагала ситуацию взаимодействия читателя и текста, значительно отстоящего от читателя во времени. Временная дистанция выступала главной (и максимально абстрактной по сравнению, например, с языковым расхождением) причиной непонимания, невозможности уловить смыслы, придаваемые тексту его создателем. Однако всякий раз эта дистанция с тем или иным успехом преодолевалась, тексты толковались и популяризировались, а заложенные в них смыслы обретали современное звучание. Чисто теоретически данная операция могла применяться многократно в отношении одного и того же объекта (который, заметим, от этого становился бы всякий раз отчасти иным).

Цель интерпретации – понимание, схватывание смысла (а иногда и замысла). Понятность здесь не только синоним сокращения дистанции, но и признак имманентного телеологизма понимающего субъекта. Осознанная нацеленность на идеальный результат (как много копий было сломано в попытках точно определить его критерии!) приводит к расщеплению материального и формального: знаки, символы и смыслы остаются по одну сторону, а по другую – возникают правила и принципы. Нелинейный, непредсказуемый, отчасти таинственный переход к пониманию того или иного памятника культуры, многократно повторяясь, вынужденно рационализировался. В итоге складывались каноны толкования, особенно заметные и развернутые в тех областях, где данная интеллектуальная операция была важнее всего – в богословии, а также юриспруденции. Далее к ним добавляется художественная литература и т.д. Именно канон обеспечивает возможность обучения истолкованию культуры, а вдобавок являет собой гарантию того, что история классической герменевтики в принципе может быть написана. Для этого требуется, пожалуй, развитое умение взаимно-однозначно увязывать между собой множество исторических (легитимировавших собственную значимость) событий и подбирать для них сопутствующий «фон» (в виде отсылок к феномену повседневности). В этом случае понимание предстает живой и непосредственной связью поколений, а памятник культуры – знаком принадлежности автора и читателя к общему фону известных исторических событий.

Мы разделяем тезис В. Г. Кузнецова о том, что нарастание значимости герменевтической проблематики от Античности до наших дней подобно кумулятивному процессу [1]. Представим себе, что герменевтика монотонно, экстенсивно и монологически расширяется, не встречая сопротивления со стороны науки или обыденных речевых практик. Тогда, исходя из этой закономерности, мы должны бы иметь сегодня единственную философскую теорию понимания, обладающую не только исключительно развитым методологическим инструментарием, но и претензиями на тотализацию самой себя и привходящих дискурсов (как бывает со всякой непрерывно осознающей себя интеллектуальной традицией). В действительности же герменевтика включена в ряд довольно интересных диспозиций, каждая из которых существенно противостоит тотали-

зации. К таким можно причислить, во-первых, соотношение классической герменевтики с деконструкцией [2], во-вторых, – с неклассической герменевтикой, об особенностях которой мы и хотели бы сказать.

Как уже было заявлено, речь пойдет о смысловой реальности. В самом широком понимании смысл можно определить как осмысленное положение дел, т.е. данную феноменально соотносительность фактов¹. К природе фактов герменевтика более индифферентна, нежели к их содержанию: источник фактичности интересен, но не принципиален. При этом единственный факт может быть осмысленным, но породить новый смысл он не в состоянии, не будучи соотносительным с чем-то иным. Соотношение бывает как тривиальным, так и эвристичным, как имплицативным, так и ассоциативным. Оно выступает как необходимое, хотя и недостаточное, условие смыслообразования. Однако важно другое: понимающий субъект в нормальной ситуации должен установить связь между подразумеваемым (авторским) и результирующим (читательским) смыслами так, чтобы каждое звено этой цепи обрело статус феноменальной данности. История здесь рационализируется простейшим способом – превращаясь в нарратив (повествование). Повествовательность есть гарантия бескризисности исторического сознания.

Толкование текста как памятника культуры можно считать завершенным (в данном случае завершенное не синонимично идеальному), если произведено вычленение из смысловой реальности трех ее составляющих:

1) положения дел, осмысленного автором как безальтернативно существующее (действительный смысл);

2) положения дел, осмысленного автором как безальтернативно несуществующее (сфера чистой фантазии);

3) положения дел, допустимого с точки зрения авторского замысла (сфера вымышленного).

Если эти составляющие приемлемо, хорошо различены, интерпретация полностью состоялась, полученная дифференция сама становится осмысленной и может впоследствии быть анализируема. Вопрос о том, чего больше в смысле – объективного или субъективного, при таком различении оказывается избыточным. При этом стоит заметить, что границы между различными модификациями смысла одного и того же объекта не могут оставаться абсолютными, это противоречило бы генезису культуры, а размытость этих границ настойчиво отвергает сознание присваивающего культуру субъекта.

Считаем необходимым подчеркнуть этот тезис: полнота интерпретации есть полнота различения, но не дескриптивная полнота. Последняя вряд ли достижима. Приведем обширную цитату из Л. М. Баткина, как нельзя точно и глубоко высказавшегося на эту тему. «Текст – это и

¹ Этот вывод получен в работе Кравца А. С. «Понимание смысла социальной деятельности» (Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008) на основе сопоставления наивной, психологической и философской семантик термина «смысл».

есть занимающая нас специфически человеческая реальность, притом не всякий текст и не в качестве очередного подтверждения тотального изоморфизма, но именно «вот этот», только неповторимый и особенный текст, т.е. увиденный в качестве такового. Сколько бы в нем ни было повторяющихся, заемных, готовых элементов, пусть он на 99 % сложен из знакомых (помимо него) кирпичиков, нас-то привлекает, каким образом они пересоздаются – и по ходу высказывания рождается новый смысл. Именно смысл, а не информация... Тогда это субъект общения (с которым мы вступаем – при соблюдении всех научных процедур, обеспечивающих вспомогательную точность, – в последнем счете в равноправные, диалогические отношения). А не объект познания. Тогда цель каждый раз состоит в переосмыслении – в открытии произведения как бесконечно-особенного, мыслимого лишь на границе со всеми иными особенными духовными мирами. Понятая так, вслед за Бахтиным, культура, оставаясь голосом своего времени и среды («наследием»), пребывает вместе с тем принципиально незавершенной, живой – «живой» не в том значении, что она все еще для чего-то надобна нам, усвоена, используется нами, а потому, что сохраняет по отношению к нам, подобно личности, способность к ответу, не исчерпывающемуся ни условиями первичного создания текста, ни тем, что можно в нем объективно описать и объяснить, ни даже нашей сколь угодно чуткой готовностью стать временно на чужую позицию... Понятая так культура культурна в той мере, в какой принадлежит будущему, открыта для возможных собеседников» [3].

До тех пор, пока описанное нами естественное расслоение смысловой реальности сохраняется в неприкосновенности, можно говорить о классической герменевтике, а сохраняется оно до тех пор, пока понимание текста связано с канонами, авторитетом традиции, эмпатией интерпретатора и временной дистанцией². Соответственно, если утрачивается хотя бы одно из четырех условий, мы вправе говорить о каком-то ином типе понимания, ангажированного иной философией. Это вовсе не означает, что иная герменевтика существенно лучше или хуже прежней, здесь мы сталкиваемся с различной степени интенсивности намеками на конкуренцию и условностями, которым суждено впоследствии перерасти в правила новой игры (эта игра уже не является чисто языковой).

Наша гипотеза состоит в том, что неклассическая герменевтика связана, главным образом, с редукцией временного отстояния объекта от исследователя. Проанализируем эту редукцию с трех сторон: как укорененную в объекте интерпретации, как фундированную понимающим субъектом и как производную от среды, связывающей субъекты в разного рода сетевые конфигурации.

² В работе «Истина и метод. Основы философской герменевтики» Х.-Г. Гадамер, несколько витиевато выражаясь, фиксирует эту специфику исследовательской установки следующим образом: «индуктивный вывод в гуманитарных науках требует особых психологических условий – чувства такта, богатой памяти, признания авторитетов».

Начнем с объектов, требующих понимания. В привычной, веками складывающейся логике познания культуры требующим толкования объектом выступал текст, а равным образом и всё то, чему можно было присвоить статус текста. Неклассическая («социальная») герменевтика имеет дело с иными объектами – человеческими действиями, содержательно совпадая с тем, что М. Вебер именуется понимающей социологией.

Смещение исследовательских акцентов от знаковых комплексов к тому, что лишь условно признается семиотичным, осуществлялось незаметно, чему имеется серьезное оправдание фактическим подобием предметов анализа. Без сомнения, к человеческой деятельности целиком применима процедура интерпретации. Это обусловлено следующим:

- а) действия, как и тексты, имеют «авторов» (действующих лиц);
- б) действия целесообразны, а потому осмысленны;
- в) смыслы действий отнюдь не являются очевидными.

Предельно возможной степенью текстуализации человеческого поведения пользуется юридическая наука (и, естественно, породившая ее практика), и в этом ей нет равных. Во всех остальных случаях перевести действия в знаки хоть и возможно, но ресурсозатратно. Этот процесс – пусть он будет называться нормализацией (поскольку апеллирует к правилам, строго разграничивая соответствующее и противоречащее им) – в современной философии недостаточно качественно отрефлектирован. С уверенностью можно сказать только то, что нормализация требует иного взгляда на историю человеческих практик, возвращая нас к проблеме генезиса субъективности.

Ответ на вопрос «почему и для какой цели этот человек делает то, что он делает?» с самого начала порождал ряд ограничительных условий, выход за пределы которых дезавуировал претензии интерпретатора на актуальность проделанных им умственных операций. Во-первых, в расчет следовало принимать не только осознанные, но и бессознательные элементы поступка (однако последним мог быть придан совершенно разный статус – от желательных, например, при сеансе психотерапии до подлежащих минимизации, если смотреть с точки зрения любого иерархического сообщества). Во-вторых, должен быть учтен имманентный диалогизм деятельности (ориентация действия на реального Другого, чью реальность легче было постулировать, чем верифицировать). В-третьих, сама процедура понимания образовывала органическую часть деятельности (прежняя парадигма – опять-таки за исключением юриспруденции – подобного не знала). Разница в данном случае более чем очевидна: если *я* понял, о чем говорит то или иное стихотворение, *мне* по этому поводу вряд ли потребуется сочинять собственный стих, но если *я* понял смысл того или иного действия, это становится частью *моего* собственного плана поведения, включаясь либо в причинно-следственную его плоскость, либо в телеологическую. Выражаясь фигурально, интерпретирующий субъект относится ко всякому действию (даже неясному) как очевидец, а ко всякому тексту (даже очевидному) скорее как драматург,

толерантность которого к застывшей самоочевидности текста и непродуктивна, и немыслима, и самоубийственно абсурдна.

Изучение человеческой деятельности предполагает гораздо более внимательное отношение к психологическим ее особенностям, и это тоже фактор риска (свободная воля плохо совместима и с авторитетом традиции, и с канонами, зато последние хорошо совмещаются с ее подавлением). Однако самая главная сложность для социальной герменевтики кроется не в индивидах, а в тех системах, элементами которых они являются. Тут сделаем некоторое методологическое отступление.

Рассмотрим абстрактную социальную систему, подмножества которой образуют либо общество, либо его часть. В такой системе отношения между элементами всегда сопровождаются перемещением информации. В той мере, в какой развивается система, претерпевают изменение ее управляющие связи. По мере нарастания сложности система, дабы не утратить управляемость, должна размножать информационные потоки (тут нельзя не вспомнить мысль Ж.-Ф. Лиотара, что знание, не переводимое в количественный вид, выбраковывается, отбрасывается). Иначе говоря, скорость порождения смыслов внутри данных социальных систем постоянно возрастает. Даже если число индивидов остается прежним, число институций увеличивается.

Перепроизводство смыслов усиливает существовавшие в системе неоднородности и продуцирует новые расслоения. Это связано с тем, что между различными интеракциями всегда существует полунегласное соревнование за актуальность. Последняя тождественна сокращению временных интервалов, а по сути – безвременью. Из этого следует, что отсроченное толкование смысла (инспирированное чем-то вроде апплицирования классической герменевтики к неклассическим ситуациям) утрачивает ценность сразу в трех аспектах. С точки зрения дискурса об истине оно существенно отстает от того, что в данный момент рассматривается как соответствие мысли и вещи, с точки зрения представлений этического плана запоздалая интерпретация вряд ли попадает в регистр оправдательных сентенций, и, наконец, в мире сугубо технических критериев такая интерпретация заведомо неэффективна.

Вернемся теперь к основной линии рассуждения. Как видно из сказанного выше, борьба за понятную реальность, в каком бы из трех регистров она не велась, остается последовательно антитрадиционной, а главное – нацеленной не на ставшее, а на то, что находится в становлении (только поверхностный взгляд может опознать здесь психологизм, на деле никакого психологизма вовсе нет, поскольку мы описываем системы, для которых психика индивида является чем-то вроде управляемой подсистемы, да и то не во всех случаях, т.к. она просто может игнорироваться). Актуальность как место действия (и его руководящий лозунг) обесмысливает положения дел с силой, прямо пропорциональной длительности их существования.

Итак, еще раз обозначим главный наш тезис: предел неклассической герменевтики есть синхронность создания и понимания смысла. В опре-

деленной степени мы его уже обосновали. Делать какие-либо скоропалительные алармистские выводы (о «смерти смысла» и т.п.) нецелесообразно, перспективы они в любом случае не прояснят.

Рассмотрим теперь ситуацию понимания социальной деятельности в проекции субъекта (интерпретатора). Очевидно, не существует запрета, исходя из некоторых познавательных соображений, рассматривать вместо изменчивых смыслов временного и изменчивого их толкователя, «распадающегося интерпретатора», взятого исключительно со стороны активного сознания.

Кажется уместным очередное методологическое отступление. Будем понимать под целостностью Я его структурную связность и устойчивость во времени (изначальное отсутствие ситуации распада). Хотя философия герменевтики связана с гуссерлевско-хайдеггеровской линией размышлений, которая вряд ли знает о своем предмете нечто большее, чем могла бы знать психология, если бы перед ней поставили сходную задачу. Феноменологические дескрипции сознания, предназначенные, по замыслу Гуссерля, выявлять его конститутивные свойства и структуры, никогда не затрагивают целостности Эго, поскольку исходят из нее как факта. Целостность Я определяется только в актах рефлексии, при этом не ясно, возможно ли посредством точно таких же актов определить множественность (раздробленность) Я.

Гуссерлевское обоснование единства сознания исходит из того, что все мысли и восприятия субъекта втягиваются в собирающий их фокус – единую точку, которая и есть декартовское Эго. Антитезисом здесь выступает мысль Сартра: Я не трансцендентально, феноменология не нуждается в обращении к такой конструкции. Обеспечения единства и индивидуальности сознания вовсе не требуется. Когда мы в уме суммируем два числа, складывается некое единство актов сознания «два плюс два равно четырем». Это единство есть трансцендентный объект – вечная истина. Каждое сознание эту истину мыслит одинаково. В трансцендентных объектах заключен принцип единства отдельных сознаний, но объяснить принцип единства самих объектов по определению невозможно [4].

Декартовское *Cogito*, как утверждает Сартр, есть рефлексивная операция. С одной стороны, сознание рефлектирующее и сознание рефлектируемое – это одно и то же сознание (иначе немислима была бы рефлексия от первого лица), с другой стороны, это два разных уровня, а лучше сказать – состояния сознания. То сознание, которое говорит «я мыслю», – это вовсе не то сознание, которое в действительности мыслит. Иначе говоря, рефлексия выглядит как такой переход, при котором центр и периферия восприятия в сознании меняются местами. То, что было задним планом или фоном (чувство принадлежности чего-либо «Я», а не кому-то другому), становится фокусом восприятия и наоборот.

Безусловно, Эго не существует на нерефлексивном уровне среди интенциональных состояний сознания и соответствующих актов. Однако верным является и более сильный тезис: Эго в принципе нельзя отождествлять ни с состоянием, ни с актом. Оно скорее может считаться

ноэматическим коррелятом всех актов рефлексии, как справедливо полагает А. Гурвич. Он же поясняет: существование Эго всегда условно и гипотетично, никакой рефлексивный акт не избавляет нас от необходимости продлять бытие Эго посредством нового рефлексивного акта.

Сказанное позволяет отнести Эго к трансцендентным объектам, поскольку его природа пребывает фундаментально непроясненной, в то время как следы (отпечатки) его действий доступны для различного рода интенциональных отношений (такой объект корректнее считать субъектом). Главным отношением к другому Эго является его интериоризация, чьим продуктом и выступает рефлексия.

Рефлектировать – это смотреть на себя глазами другого. Чем более развита способность к рефлексии, тем атомарнее становится индивидуум, тем более герметичным оказывается его сознание. Следовательно, Другой превращается в нечто инородное, чужое. Некоторые феноменологи, например, Б. Вальденфельс, говорят о различии отношений Другого и Чужого к Эго, хотя это вопрос дискуссионный [5]. Рефлектирующее сознание создает идеальный мир, чье совершенство есть синоним изолированности от собственной первопричины, т.е. других. Создаваемый в актах рефлексии мир представляет собой практически истинную, но превращенную форму сознания, ненамеренно забывшую о своих истоках.

Обуславливает ли нарастание чуждости Другого деформацию (разрыв) Эго? С одной стороны, в процессе общения от одного субъекта к другому может быть передана мысль любого содержания, которую уже нельзя считать ни своей, ни чужой. За счет такого «несберегающего присвоения» Эго тематически расширяется, и коль скоро оно свое развитие осознает, нет необходимости говорить о дроблении целого на части.

С другой стороны, надо помнить, что коммуникация не сводится к обмену мыслями. Чужой затрагивает нас неким жестом или поступком (вспомним: последние-то мы и желаем понимать). Кроме того, рефлексивные акты непередаваемы коммуникативным способом, поэтому расширение Эго не представляет собой интуитивно понятный процесс. Строго говоря, оно вообще не периодически, для его описания подойдет сравнение с мерцающей лампой: вспышки присутствия Эго случаются в сознании, и если тематическое расширение идет довольно интенсивно (т.е. если мы всерьез желаем понимания как причастности), то Эго постепенно утрачивает тождество, становится раздробленным. Его существование приобретает свойство разрывности, преодолеть которое возможно одним из следующих способов: либо развивать рефлексия второго порядка, что представляется плодотворным, но лишь временно пригодным действием (ведь рано или поздно порядок ее придется повышать), либо неким усилием воли сокращать количество тех рефлексивных актов, в которых обнаруживается Я. В таком случае субъект становится анонимным, или умирает, или приобретает патологию сознания.

Подведем наше рассуждение о субъекте к следующим тезисам:

1) в самой природе сознания заложено стремление к ликвидации временных интервалов между интенциональными и рефлексивными актами;

2) это стремление провоцирует перенос на смысловую сферу сущностных свойств субъекта;

3) как следствие, смыслы социальной деятельности предстают крайне фрагментированными. Устранение личностного начала интерпретатора спасает их от фрагментации, но ведет к перерождению в анонимные, безобъектные или патогенные квазисмыслы.

В любом из последних трех вариантов граница действительного, вымышленного и фантазийного утрачивается.

Заключительный аспект анализа – это та среда, в которой формируются смыслы и осуществляется их обмен. Здесь применимы три концепта: информационные потоки, виртуализация и языковые игры. Поговорим о первых двух (тема языковых игр в постиндустриальном мире неплохо раскрыта в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», к которой мы отсылаем всякого, интересующегося этой темой).

Действия людей, интересны они герменевтике или нет, выступают по крайней мере в двух ипостасях – сами по себе и как информационные поводы. При этом информация проходит сквозь ряд фильтров – от отдельных институтов до средств массовой информации. На движение информации от одного актора к другому влияет также инфраструктура обмена данными, иначе говоря – компьютерные сети.

Стремительное проникновение компьютерных технологий во все сферы социального бытия позволяет говорить о сетевизации (networking) общества как такового, о кардинальном изменении его облика. Воздействие технических средств обработки информации на психологию человека перестало носить чисто количественный характер, когда компьютер можно было рассматривать сквозь призму дополнительной полезности. В настоящий момент правильнее вести речь о его насущной необходимости – так высока степень вовлеченности техники в социальные практики. Однако техника не ограничивается ролью стимула к тому или иному образу жизни или деятельности, ее значение выражается и в переопределении самой социальной структуры. Факт такого рода трансформаций яснее всего выражается в «деятельно фундированных идеях», отражающих коллективные восприятия социального целого, так что с анализа этих «идей» исследователь вправе начинать анализ самих социальных изменений.

По нашему мнению, очевидной следует признать связь обыденных социальных практик с абстрактными представлениями о времени и пространстве, порождаемыми ничем иным, как коммуникацией, опосредованной повсеместным использованием компьютерной техники и сети Интернет. Подчеркнем это снова: неклассическая герменевтика стала возможной не в результате всеобщей компьютеризации (прямую связь искать было бы излишне), а только лишь потому, что способы манипуляций с материальными и идеальными объектами, как никогда ранее, сблизились. В итоге сложился своего рода цифровой пространственно-временной континуум. Понимая пространство как условие совместного существования двух и более объектов, а время – как условие изменения

хотя бы одного объекта, становится возможным говорить о виртуальной реальности, сенсорный дефицит в которой с избытком компенсирован смысловым профицитом.

Нельзя не согласиться с утверждением А. В. Назарчука о том, что «социальные категории завязаны на социальные практики, но чтобы опознать новые социальные практики, требуется опережающим образом произвести трансформацию традиционных категорий и обосновать это смещение взгляда» [6]. Единственное, на чем мы настаиваем – такая трансформация уже случилась (ведь место ее совершения – не кабинет мыслителя, а ноосфера), в то время как искомое автором «смещение взгляда» совершилось объективно, обосновав само себя. Из факта этого смещения следует исходить и для установления преемственности понятий, чье содержание традиционно оставалось долгое время неизменным. Подобных понятий великое множество, с их помощью социальная философия пытается рационально постичь то, что принято называть жизненным миром. Не отвергая категорически сами попытки постижения, мы отдаем себе отчет в том, что избрание той или иной терминологической системы вовсе не может быть произвольным, равно как и единственным.

Сделаем очередное отступление от темы. Кажется бесспорным, что новые способы коммуникации способствуют возникновению новых значений у привычных понятий, укорененных в жизненном мире человека. Эти значения со всей своей очевидностью меняют наше сознание, в то время как рефлексия над ними способствует более верному и глубокому пониманию прежних значений, оказавшихся на данный момент вытесненными. Такая ретроактивная интерпретация почти ничего не дает для понимания вновь возникших дискурсивных структур (их роль будет осознана *post festum*), зато проливает достаточно света на прежнюю «картину» социальной психики.

Стоит задаться вопросом – что нового принесла в наш мир электронная коммуникация или, что точнее, каковы главные черты, благодаря которым она расценивается как нечто чрезвычайно удобное? Думается, следует выделить такие свойства электронной связи:

- 1) информационное сообщение может быть передано многим адресатам одновременно;
- 2) информационное сообщение может быть передано одному и тому же адресату многократно в абсолютно неизменном виде;
- 3) множество людей могут общаться друг с другом в режиме «реального времени», как если бы они присутствовали в одном и том же месте;
- 4) сетевая коммуникация принципиально анонимна в том смысле, что участники общения могут выбирать себе произвольные «имена», не раскрывая реальных имен, и этот факт не препятствует коммуникации, не усложняет, а нередко упрощает ее (об индивидуально-психологических причинах упрощения мы здесь не говорим);
- 5) меняется характер информации – транслируется и пересылается всё, что может быть переведено в цифровой формат и «прочитано» машиной;

б) техника как посредник более чем совершенна, поэтому, во-первых, проблема своевременной доставки сообщения (и чувство напряженного ожидания) исчезает, во-вторых, некачественный (с искажениями) обмен информацией становится невозможным (если только он не является плодом усилий злоумышленников).

Итак, анонимность, мгновенная скорость, универсальный характер содержания – вот те основные характеристики сетевого общения, которые способствуют его широчайшему распространению (здесь потребности бизнеса в электронной коммуникации не затрагиваем – они очевидны). Сеть универсальна в том смысле, что логика ее эксплуатации совершенно нечувствительна к социальному статусу пользователя, его образовательному и культурному уровню, его насущным потребностям, индивидуальным привычкам, слабостям и пр. Сеть позволяет связать каждого с каждым, подобрать любые варианты и комбинации малых групп. Долговечность существования последних, кстати, также не зависит ни от чего «иноприродного» по отношению к сети (ликвидация сайта с определенным контентом легко преодолевается созданием новых аналогичных сайтов, притягивающих ту же аудиторию, а не фильтрующих или изменяющих ее).

Конечно, без электронной связи современное общество представить нельзя (хоть эта связь приводит, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, к новому расслоению – на владеющих и не владеющих информацией, многие исследователи утверждают, что это расслоение куда серьезнее денежного). Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что «врастание» психики в этот новый мир приводит к интересным последствиям. Например, из мира электронного исчезают какие-либо представления о пространстве. Точнее, эти представления изменяются до неузнаваемости. Озвучим вопрос: что такое пространство сквозь призму социального целого? Это, конечно же, не абстрактное расстояние между точками (тут мы имеем дело с физическим смыслом пространства), а сложная система посредников между коммуникантами. При этом каждый посредник сам по себе неэлементарен, он вносит некую неопределенность и (или) помехи в процесс передачи информации. Общение, таким образом, всегда бывает не двусторонним, а трехсторонним, поскольку третьей стороной и выступает «социальное пространство» в различных его модификациях – социальные институты, нормы и ценности и пр. Социальное пространство есть «агент влияния», присутствующий в любой интеракции преимущественно в виде фона, слабо поддающегося рефлексии и поглощаемого в связи с этим более абстрактным географическим (астрономическим, космологическим) представлением.

Универсальность технических средств обезличивает социальное пространство и сжимает его практически до точки (ведь локальные пределы фактически преодолены, а иные препятствия не концептуализируются обыденным сознанием и не оцениваются всяким иным сознанием иначе как в экономическом исчислении). Нет помех от третьих лиц, нет чувства ответственности за пересылаемые данные, нет времени задержки

для реплики и ответа – вот причины, по которым коммуникация становится внепространственной. Создается иллюзия, что общение протекает вовсе без посредников и каких-либо властных инстанций. В сети позволено всё, и это «позволенное» становится объектом потенциального восприятия для всех. Пространство в классическом смысле – это всё-таки градация между трудным и легким доступом (оппозиция сакрального и профанного, например), в сети подобное различие нивелируется.

Сжатие пространства, однако, не ведет к вакууму. Совсем наоборот, наблюдается заполнение социального пространства разнообразными информационными массивами, координировать которые не в силах ни индивид, ни какое-либо сообщество. Информация, будучи производной от материальной действительности, вытесняет её на периферию жизненного мира субъекта, делая даже не горизонтом восприятия, а второстепенным фоном для всепоглощающих коммуникативных процессов. Реальность интеракции, совершаемой в сети, не ниже реальности обычных взаимодействий людей в процессе решения каких-либо задач. Другое дело, что обычное социальное действие не порождает столь обширного информационного сопровождения, а если и порождает, то весьма кратковременное, чего нельзя сказать об информационных потоках, обеспечиваемых технической мощью, продлевающей их существование без особой на то нужды у потребителей информации.

Второй пример сдвига в восприятии касается социального времени. Темпоральный аспект исследования позволяет очертить некое подобие социальной онтологии как системы регионов (слоев) бытия человека, представленной в виде многоуровневой структуры. На каждом уровне господствуют свои силы и рождаются оригинальные представления. Мы рассмотрим только психологический (поверхностный) уровень. Здесь всеобщая электронная коммуникация ликвидирует традиционное соотношение настоящего, прошлого и будущего. Это происходит по следующим причинам.

Во-первых, из сетевого общества упраздняется традиционная память. Безответственность общения, о котором мы уже говорили выше, простирается, очевидно, из технической возможности сохранять свою анонимность, а также беспрепятственно удалять из сети свои тексты. На то, что отсутствует в данный момент как публикация, ссылаться довольно сложно, нарастающий объем «нулевых референций» рано или поздно обесмысливает всякое воспоминание о событии внутри сети, если это событие не может быть подтверждено оригинальным текстом (в большинстве случаев речь идет о текстах новостей, но не только о них). Таким образом, легкость управления содержанием интернет-страниц почти полностью девальвирует память, делая безосновательными интенции воспоминания.

Во-вторых, существенно изменяются представления о будущем. Сеть представляет собой незапрограммированные способы соединения всех со всеми, а поскольку будущее складывается из определенных ожиданий, ранжируемых по степени вероятности их реализации, то почти каждый

участник электронной коммуникации свободен в выборе того или иного прогноза (или может составить свой собственный). Однако, поскольку число наиболее реалистических исходов у той или иной цепочки событий весьма мало, в действительности сеть репрезентирует несколько ярко выраженных позиций, а все остальные участники общения определяются по отношению именно к этим позициям (фактор идеологии со счетов сбрасывать нельзя). Поэтому благодаря «сетевому восприятию» происходящего, никакого будущего в строгом смысле этого слова не наступает, ибо отражение реального события в информационных потоках является не менее ценным, чем его же (события) предвосхищение (и интенсивное обсуждение) в тех же самых потоках. Не менее ценным, но куда как более ощутимым. Будущее широко обсуждается, этот факт делает его собственностью настоящего. Говоря фигурально, внутри сети возможны бесчисленные утопии, а в результате в жизни невозможна ни одна из них.

В-третьих, представления о настоящем времени также меняются. С одной стороны, явным преимуществом сетевого общения является возможность организовать обмен информацией в так называемом режиме *real time*. С другой стороны, внимание вынуждено переключаться между множеством равноценных «событийных интервалов», фиксация же на одном из них не позволяет человеку «успевать». Мы намеренно берем этот термин в кавычки, поскольку сегодня все стремятся успеть и не опоздать, но это стремление радикально отличается от прежних намерений, ассоциируемых скорее с планомерной жизнью, чем с захватом своим сознанием новых и новых событий. Этот захват почти всегда происходит на такой скорости, при которой установить смысловые (лично-но значимые) отношения между воспринятыми событиями не представляется реальным. В связи с этим в сознании человека не длится некое ощущение, выражаемое посредством настоящего времени, вместо этого личность оказывается разбитой на множество субъектов, координация между которыми никем не может быть выполнена. На деле это множество субъектов, «успевающая» везде, часто остается неподвижным и не способно даже фиксировать факт своей неподвижности.

Как следствие, сетевое общество построено так, что информация, не будучи первичной в сущностном смысле этого слова, является таковой в ценностном отношении. Информация потому превосходит материальную действительность, что содержит в себе описание этой действительности, причем не одно, а несколько, что позволяет этой действительностью управлять. В связи с переворачиванием традиционной схемы деятельности субъекта, где реальность материальная являлась конечной целью, а информация – лишь средством, меняются все уровни социального бытия, информация превращается в единственно достойную цель.

Структурирование данных в виде потоков, а коммуникации – в виде сетей порождает ряд чисто психологических проблем, но не о них речь. Важнее то, что внутри сети чистая фантазия, вымысел и реальность образуют единое целое (кстати, термин «языковые игры» тоже косвенно об этом свидетельствует). Различать их была способна классическая гер-

меневтика, но ее мировоззренческие постулаты автоматически ведут к снижению степени ее востребованности на рынках труда, капитала и финансов.

Подведем итоги нашим размышлениям. Отход на второй план классической герменевтики связан с тем, что между тремя сферами – культурой (артефактами и формами), смыслами (переживаемым положением вещей) и деятельностью невозможно осуществлять точные и полноценные топологические преобразования: всегда найдется либо форма, лишенная смысла, либо культура, которая не требует от субъекта какой-либо творческой деятельности и пр. Следовательно, единство гуманитарного знания, базирующееся на смысловой основе, в той же мере невозможно, как если бы оно покоилось на единой культуре (ее вообще затруднительно помыслить) или всеобщих практиках (их вообразить проще, но приятнее ли? Безопаснее ли?). С другой стороны, и философия не может подменять ни теорию культуры, ни психологию, ни теорию деятельности. Однако если эти теории (или уже языковые игры?) приступают к поиску собственных оснований, этот процесс и будет живым философствованием. Потому философии есть дело и до тех форм интеллектуальной активности, которые сторонятся ее, старательно отмежевываются, будто бы стыдятся архаичной мудрости.

Неклассическая герменевтика – это теория понимания, которая:

- 1) тяготеет к новым (нетипичным) прикладным формам, позволяющим сохранять актуальность (востребованность) и избегать любых претензий на тотализацию дискурса;
- 2) обладает установкой на объективность как в ходе сбора первичных данных, так и при дальнейшей работе с ними [7];
- 3) старается игнорировать эстетический (стилевой) компонент семиозиса;
- 4) содержательно пытается совпадать с понимающей социологией или социальной феноменологией.

В ходе исследования мы пришли к двум выводам. Во-первых, сама по себе понимающая социология есть не что иное, как закономерная оптимизация классической герменевтики, приспособление ее к новому кругу объектов. Противопоставление возникает и усиливается не между текстом и человеческим поведением (которое отчасти или потенциально семиотично), а между осознанно зафиксированным отстоянием во времени от текста и интеракциями, совершаемыми под девизом эффективности. Эти интеракции могут быть трех видов:

- терапевтические (цель – исправить состояние какой-либо социальной системы, в том числе субъекта);
- управленческие (цель – направлять и координировать действия субъектов);
- коммуитаристские (цель – выработать общую позицию, достичь консенсуса, в том числе и морального).

В любом из перечисленных вариантов абсолютно отсутствует историзм, историческая составляющая.

Второй важный вывод, ставший возможным благодаря проделанной в статье работе, заключается в следующем. Неклассическая герменевтика, вознамерившаяся учитывать достижения феноменологии, вряд ли возможна (по крайней мере, среди легитимирующих себя практик ей делать нечего). Та же самая герменевтика, обходящая стороной указанные достижения, довольствуется (в пределе) отождествлением с классической традицией понимания культуры (но к ней возврат невозможен) или же совпадает с социологией, в которой эмпатию Шлейермахера – Гадамера подменяет совпадение перспектив (Шюц), а личное отношение к объекту интерпретации вытеснено оптимальными величинами выборов и корреляций.

Мы ни в коей мере не стремимся раскритиковать описанные в этой работе трансформации. Во-первых, это помешает не им самим, а их трезвому осмыслению. Во-вторых, закончить рассуждения хочется более-менее позитивно. Конечно, сохранение временной дистанции между личностью и культурой было бы весьма желательным для социогуманитарного знания (тем более что это не выходит за рамки общепринятого метода). Другое дело, что структуры, обеспечивающие память и темпоральное замедление сегодня (впрочем, как и всякие другие структуры с похожими функциями), должны быть произведены или по крайней мере должны стать предметом осознанной заботы со стороны тех, кто пользуется ими. А перенос свойств Эго на сферу смыслов, как удалось показать, вовсе не есть благо, поскольку утрачивается присутствие чего-то таинственного («неразложимого», «нерастворимого» осадка в океане культуры). Надеемся, что взаимное ограничение классического и современного типов понимания все же плодотворно, а их противостояние со временем сменится сглаживанием объективно-детерминированных методологических различий, низведением их до различий стилистических.

Теперь поясним общий замысел исследования, которое, естественно, данной статьей лишь открывается, но не ограничивается. Как видно из рассуждений о субъекте, присваивающем культуру, сохраняется следующая закономерность: можно быть знакомым со смыслами, но при этом не осуществлять герменевтические практики, можно осуществлять данные практики, но не быть ассоциированным с теми или иными сообществами. Между тем обратное вряд ли возможно. Отсюда следует, что вопрос о смысловой реальности и ее модификациях первичен, фундаментален, хотя при этом он не является целью исследования как такового. Если учесть, что основной объект интереса для нас – субъективность, вырастающая в эпоху постмодерна, то ее портрет вырисовывается лишь в трех проекциях, каждая из которых требует самостоятельного теоретизирования. Первым шагом на пути к нему и является представленная работа.

Литература

1. *Кузнецов В. Г.* Герменевтика и ее путь от конкретной методике до философского направления / В. Г. Кузнецов // Герменевтика в России : сб. науч. трудов. – Воронеж : Изд-во ВГУ ; МИОН, 2002. – Вып. 1. – С. 67.

2. Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. – СПб., 1999. – Режим доступа: <http://www.anthropology.ru/ru/texts/gathered/hermdec/index.html>

3. Баткин Л. М. Два способа изучать историю культуры / Л. М. Баткин // Вопросы философии. – 1986. – № 12. – С. 107.

4. Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания / Ж.-П. Сартр ; пер. А. Кричевского // Логос. – 2003. – № 2 (37). – С. 86–121.

5. Вальденфельс Б. Мотив чужого : сб. пер. с нем. / Б. Вальденфельс ; науч. ред. А. А. Михайлов ; отв. ред. Т. В. Щитцова. – Минск : Прописи, 1999. – С. 123–140.

6. Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 57.

7. Reichertz, Jo (2002, Januar). Prämissen einer hermeneutisch wissenssoziologischen Polizeiforschung. Forum: Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal], 3 (1). Verfügbar über: <http://www.qualitative-research.net/fqs/fqs.htm>

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: yurist84@inbox.ru

Тел.: 8-904-212-72-98

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: yurist84@inbox.ru

Tel.: 8-904-212-72-98